СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Алексей Головин

Протокол 37

«Автор»

2026

Головин А. Г.

Протокол 37 / А. Г. Головин — «Автор», 2026

В 05:40 утра Вера Соколова стоит на мосту. Она не собирается прыгать — она пришла оставить сообщение на автоответчике: если с ней что-то случится, это не самоубийство. Это они.Через три часа её сбивает машина. В кармане находят флешку со списком из тридцати семи имен. Официально — жертвы несчастных случаев. Неофициально — люди, знавшие слишком много о благотворительном фонде «Право и милосердие».Вера выживает. Она находит убийц, публикует список и выигрывает. Система не рушится — она предлагает победительнице сделку: возглавить отдел внутренней безопасности. Стать своим палачом.Она отказалась. Теперь за ней едет желтый школьный автобус. И это не эвакуация. Это конвой.«Протокол 37» — герметичный триллер о цене правды, которая измеряется не годами тюрьмы, а запахом остывшего кофе в пустой квартире.

© Головин А. Г., 2026
© Автор, 2026

Алексей Головин
Протокол 37

ПРОТОКОЛ 37

Роман

Пролог. Женщина на мосту

В 05:40 утра, когда Москва ещё спала, а небо только начинало сереть над Кутузовским, женщина в сером пальто стояла на пешеходном мосту через Москву-реку.

Она не собиралась прыгать. Она уже это делала три года назад. Тогда её сняли с парапета двое полицейских, и она провела в больнице две недели. С тех пор она не подходила к мостам. Особенно к этому. Особенно в пять утра.

Но сегодня она пришла сюда, чтобы позвонить. Ей казалось, что здесь, над водой, где ветер, её не услышат.

Она набрала номер.

— Алло? — сказал сонный голос.

— Это Вера. Вера Соколова.

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Вера? Господи, ты знаешь, сколько времени?

— Пять сорок. Я знаю.

— Что случилось? Ты в порядке?

— Слушай меня внимательно. Если со мной что-то случится, это не самоубийство. Это они.

— Кто «они»?

— Ты знаешь.

— Вера, подожди...

Она положила трубку.

Ветер ударил в лицо. Она посмотрела на воду. Тёмная, спокойная, безразличная. Вода всегда безразлична.

Она набрала второй номер — редакция одного издания. Автоответчик. Она говорила медленно, чётко, как учила себя говорить в моменты, когда голос мог сорваться:

— Меня зовут Вера Соколова. Я работаю в фонде «Второй шанс». Я знаю, что произошло с тридцатью семью людьми. Файл у вас в почте. Если со мной что-то случится, опубликуйте. Не ждите. Не проверяйте. Просто опубликуйте.

Она достала из кармана флешку, завернула в платок, положила обратно. Пальцы не слушались. Она сжала кулак, разжала. Сжала снова.

Потом она повернулась и пошла обратно.

Она не знала, что за ней наблюдают. Она не видела «Ладу», стоявшую в двадцати метрах, с двумя людьми внутри. Она не видела, как один из них поднял телефон и набрал номер.

Она просто шла. Думала о том, что через полчаса будет дома, нальёт чай, сядет за стол и начнёт писать. Она уже знала, с чего начнёт. С брата.

Она не дошла.

Свет фар ударил справа. Визг тормозов, слишком поздно. Удар. Тишина.

Водитель не остановился. Свидетелей не было. Камеры на перекрёстке не работали, «на профилактике», как потом скажут в отчёте.

Вера Соколова умерла в машине скорой помощи по дороге в больницу. Ей было тридцать четыре года.

В её телефоне остался неотправленный черновик сообщения. Одно слово: «Бо». Она не успела дописать «Борис».

В её квартире, в коробке из-под чая, лежала вторая флешка. Её никто не нашёл. Потому что никто не искал.

Часть первая. Иллюзия безопасности

Глава 1. Дом, которого не было

Фонд «Второй шанс» находился в подвале жилого дома на Пресне. Официально это была некоммерческая организация, которая помогала людям, попавшим в беду: бывшим заключённым, женщинам, ушедшим от побоев, людям без документов. Неофициально это был последний адрес для тех, кому больше некуда идти.

Вера Соколова пришла сюда три года назад. Не волонтёром. Клиентом. После моста, после больницы, после двух недель, в течение которых она не могла смотреть в глаза ни одному человеку. Ей дали раскладушку, чай и молчание. Через полгода она осталась. Сначала мыла полы. Потом разбирала документы. Потом вела приём.

К 2026 году она знала всё. Кто из подопечных врёт. Кто боится. Кто готов вернуться к тому, от кого ушёл. Кто не готов. Она знала, по каким фразам человека перед ней можно прочитать, что он собирается сказать, до того, как он откроет рот. Это был её талант, её проклятие и её защита.

Она знала, что фонд держится на трёх людях: на ней, на юристе Борисе Львовиче, старике с больным сердцем и язвительным языком, и на Тамаре, которая вела бухгалтерию и никогда не задавала вопросов.

Она знала, что в фонд приходят не только те, кому нужна помощь. Иногда приходят те, кто хочет помочь. А иногда те, кто хочет что-то спрятать.

В то утро она сидела в подвале одна. За окном шёл снег, смешанный с дождём, та самая московская слякоть, которая липнет к обуви и к мыслям.

Она смотрела на фотографию брата, прикреплённую к стене рядом с расписанием приёма.

Дмитрий Соколов. Тридцать четыре года. Улыбается.Он умер три года назад. Официально несчастный случай. Упал с лестницы. Неофициально Вера знала, что он не падал. Ей даже не нужно было доказывать. Она слышала его голос в трубке за минуту до того, как всё случилось. Он сказал: «Вер, если со мной что-то будет, не лезь. Просто не лезь». А потом что-то ударилось. Тяжёлое. Один раз. Два. И тишина.

Она запомнила этот звук. Он возвращался к ней в самые неожиданные моменты: в очереди в магазине, в метро, когда кто-то ронял сумку. Звук тяжёлого удара. И тишина после.

Она посмотрела на фотографию и сказала тихо, как всегда:

— Я не лезу. Я просто проверяю.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина.

Глава 2. Мужчина, у которого дрожали руки

Он был высокий, в дорогом пальто, с лицом человека, который никогда не стоял в очереди. Но когда он снял перчатки, Вера заметила, как дрожат его пальцы. Он попытался сжать их в кулаки, спрятать в карманы, но было поздно. Она уже увидела.

— Меня зовут Андрей Валерьевич Крылов, — сказал он. — Я представляю фонд «Право и милосердие». Мы хотим передать вашему фонду пожертвование. Пять миллионов рублей.

Тамара, сидевшая за столом с чашкой чая, чуть не уронила её.

Борис Львович, читавший газету в углу, опустил её и посмотрел на гостя.

— Пять миллионов? — переспросил он. — И что вы хотите взамен?

— Ничего. Мы просто хотим помочь.

— Люди, которые «просто хотят помочь», обычно хотят что-то взамен.

Крылов улыбнулся. Улыбка была вежливая, отработанная, но глаза не улыбались. Глаза были усталые. Как у человека, который давно не спит.

— Я понимаю ваш скептицизм, — сказал он. — Но у нас есть отчётность. Мы публикуем списки всех, кому помогли. Мы можем показать документы. Всё прозрачно.

Вера смотрела на его руки. Дрожь не проходила. Он боялся. Он сидел в подвале благотворительного фонда, предлагал пять миллионов рублей и боялся. Это было нелогично. Люди,

которые приносят деньги, не боятся. Люди, которые приносят деньги, обычно чувствуют себя хозяевами.

— Хорошо, — сказала Вера. — Давайте документы.

Он передал ей папку. Она открыла её. Всё было в порядке. Всё было слишком в порядке.

Она подняла глаза.

— Андрей Валерьевич, вы в порядке?

Он вздрогнул.

— Простите?

— Вы выглядите так, будто вам нужна помощь больше, чем нам.

Пауза. Он посмотрел на неё внимательно. Впервые за всё время по-настоящему внимательно. Как будто увидел.

— Я в порядке, — сказал он. — Спасибо.

Он ушёл. Вера осталась с папкой в руках и с ощущением, что только что видела человека, который тонет и не может об этом сказать.

Глава 3. То, что заметила Вера

Она провела с документами весь вечер. Всё было чисто. Фонд «Право и милосердие» существовал с 2019 года. Отчётность идеальная. Пожертвования прозрачные. Списки благополучателей длинные, подробные, с адресами и телефонами.

Слишком подробные.

Вера знала, как выглядят настоящие отчёты благотворительных фондов. Она сама их составляла. В настоящих отчётах не пишут адреса. Не пишут телефоны. Не пишут того, что может навредить человеку, если документ попадёт не в те руки.

В этом отчёте было всё. Как будто тот, кто его составлял, хотел, чтобы этих людей нашли.

Она начала проверять имена.

Первое: Сергей Ильин. Бывший сотрудник одного из ведомств. Уволен в 2020-м. Обвинялся в мошенничестве. Дело закрыли «за отсутствием состава преступления».

Второе: Ольга Кузнецова. Бывший бухгалтер одной из компаний. Проходила свидетелем по делу об отмывании денег. Дело развалилось.

Третье: Дмитрий Соколов.

Вера остановилась. Перечитала. Ещё раз.

Дмитрий Соколов. Её брат. Погиб в 2023 году. Официально несчастный случай. Неофициально она слышала, как он умирал.

Она откинулась на стуле. В ушах снова зазвучал тот звук. Тяжёлый удар. Тишина.

Она закрыла папку. Потом открыла снова. Потом стала читать дальше.

К ночи она насчитала тридцать семь имён. Тридцать семь человек, которые когда-то работали в системе, а потом ушли. Тридцать семь человек, которые знали слишком много.Двенадцать из них были мертвы. Официально несчастные случаи, болезни, самоубийства.

Двадцать пять были живы. Пока.

Она посмотрела на часы. Было три часа ночи. Она не помнила, как прошло время. Она не помнила, ела ли она.

Она взяла телефон и набрала номер Бориса Львовича.

— Борис, — сказала она, когда он взял трубку. — Проснись. Нам нужно поговорить. Это не пожертвование. Это список смертников.

Глава 4. Борис Львович

Он приехал через сорок минут. В пальто поверх пижамы. С сердцем, которое уже дважды останавливалось, и с лицом человека, который слишком много видел, чтобы удивляться.

Он прочитал папку за час. Не перебивая. Не задавая вопросов. Просто читал.

Потом закрыл и посмотрел на Веру.

— Ты понимаешь, что это?

— Понимаю.

— Это не схема. Это система. Они убирают людей, которые знают. Годами. Руками фондов, которые «помогают». Так, что никто не замечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.